

РЕЦЕНЗИИ

Ольга КРАПЛАК

НЕКРИТИЧЕСКИЕ ЭССЕ

Васякина моя

Оксана Васякина — поэтесса и писательница, автор книг в жанре автобиографической прозы «Рана» (2021), «Степь» (2022), «Роза» (2023), вышедших в издательстве «Новое литературное обозрение». Лауреат премий «Лицей» и «НОС», шорт-листер премии «Большая книга».

Читать Васякину — это как по одинокой заброшке среди полей шараться. Пока доберешься, жить перехочешь. Сначала в трамвае до конечной, а билетик дорогой и несчастливый. Потом мимо сараев идти под осатанелый лай злых дворняг. А там лесополоса, за нею — степь седая открывается, с репейниками да саранчой, сурепкой хрупкой, страшной куриной слепотой. И вечереет, и черт пойми, зачем оно все тебе. Однако тянет к себе странная тайна, да и старшие ходили туда костер жечь на майские.

Страшно хочется понять, что там такое чернеет вдали.

Как можно говорить о Васякиной?

Можно заранее обречь себя на полнейший провал и написать эпитафию, мол, Васякина съедобна только для маргинального кружочка тех, кто не посмеется от слова «психоаналитикесса». Слишком просто — малодушно отсечь себя от васякинской писанины, упокоить Васякину в коробочек, кинуть в волны и отпеть на славу. Ой, жила девица-синица, петь могла, а не пела, гнездышко свила, да гнездышко тесное. Горегорюшко, погибель, ой, что же делается-то, девоньки! Мать сыра литература!

Можно облачиться в доспех теории женского письма и умно выискивать маркеры феминности, памятуя о разнице между феминным и феминистским, цитировать то и это. Тем более что сама автор себе щедро настелила гипертекстовой соломки, считай, дала добро ее втискивать в некую структуру. Однако доспех тяжелый, ржавый, и не все в практике Васякиной можно объяснить ее очевидным желанием стать русской Элен Сиксу, переводной женской иконой для молений паствы, возжелавшей исконного.

Однако сварено отменно, не по рецепту, а на глазок! Славный кухонный подвиг — вот что я говорю как сестра по кухне. Хорошо поэтесса Васякина обращается со словом: с модной нечеткостью образов, которой не научиться. Вот кто сможет нарочно так поломать все, до слез, до иступления:

«Трусая мокли, и теплая липкая смазка тут же остывала на ластовице, как если бы в моих трусах умерла юная волжская вобла».

Ольга Краплак родилась в 1991 году и живет в Крыму, в городе Евпатория. Прозаик, в прошлом поэт. По образованию художник-график. Публиковалась в журналах «Юность» и «Мир фантастики». Стипендиатка мастерской журнала «Вопросы литературы».

Почему юная, почему вобла, почему умерла, почему волжская, в конце-то концов?! Каждое слово неправильное, но до чего же правильно это звучит в контексте, как здорово влетает в узор новой-преновой словесности, где всякая истина, точность — мох на ушах, тлен, скука-математика, долгой!

Можно принять роль исповедника, выслушать покаянные всякинские всхлипы, наложить епитимью, а потом отправиться слушать иных скорбящих, вон сколько их у гроба несчастливой юности стоит и плачет о проклятом поколении девяностых. Вот они, слева направо: Богданова, Валитов, Горбунова, Некрасова. Если сутана шею давит, то можно присоединиться к хору, у каждого ведь своя рана есть. И в серию «Роман поколения» улечься. Здорово же там, на безрыбье. Улитки ползают, сытная тина. Питательное гнилье.

Я лучше расскажу, как однажды в подмосковном подвале четкие литературные люди принялись меня пытаться, мол, ты кто по жизни. Список уважаемых имен в современной русской литературе оказался неприлично коротким, поэтому меня решили определять через ненависть. Как водится там, у них. Ненависть понятна и проста, и сразу от нее явь у людей происходит. И Оксана Васякина вдруг оказалась верным паролем, колоть меня взглядами перестали, заулыбались: своя. Так Оксана спасла меня, имя ее беду отвело. И я сразу же решила, что отныне она мне не чужая. И стала Васякина моей, собственной.

Я почти не знала ее, так, пробежалась по первой странице «Раны», а там такое подстерегает:

«Свет был хороший, и ветра не было, свет был, как в августе, золотой».

Тогда еще подумала, что редакторы совсем былинок не ловят — и расстроилась, потому как *было* ведь здорово это, про свет, и зачем *было* так небрежно просеивать текст, можно ведь *было* и поправить, да не *было* сита нужного. А теперь поняла, что неспроста, то прием фокусника: заколдовать время. Мол, вот и все, что было, не было и нету, и сплошь колокольный «был, был, был», и все, как у людей. Да, все пройдет, только Сибирь внутри Васякиной не проходит, нет. Пускай не проходит.

Однако прием этот слишком уж нарочный, нет секрета. Ничего ее текст не таит, нет в нем истины, только правда сплошная. Все расколдовано.

Вот Оксана рассказывает — о, что же это, ис-то-ри-я?! — про дочку маминой знакомой, летнюю подружку. Будто наспех переводит отрывок про первую страсть Гумберта, Аннабеллу Ли (не Lee, а Leigh, как просят там не путать). И все почти хорошо, писательница, наконец, пишет, пусть и неряшливым почерком, но Оксана тут же ломается, будто опомнившись ото сна, где она была счастлива. Она вдруг вопрошает:

«Осознала ли я тогда, что то, что я испытываю к этой девочке, — эротическое возбуждение?»

И, как будто этого окрика мало, тут же свивает эссешку про свой творческий метод, чтоб неповадно было историями баловаться в серьезном фем-пост-мета-что-то-там-романе.

Или птичьи истории. Говорит:

«Что-то очень старое, деревенское во мне поднимается, когда птицы приближаются».

И принимается гадать по перышкам, только снова нет никакого прозревания действительности, сплошная апофения на фоне болезненной тревожности. Воробушек чирикнул — к метастазам раковым. Снегирь в сугробе — смерть грядет. Почему? Потому. А вот глупая ворона разбила пепельницу — но дар вдруг ушел, вслед за мамой, и символа не разгадала Оксана. А ведь с вороной-то и был настоящая, подлинная тайна: Оксана везет урну с прахом, и страшно ей, каркуше-растяпе, уронить да разбить. Не надо надуманного ведьмовства, чтоб разгадать вороный секрет.

В том, что секрета нет — в том и секрет у Васякиной.

Вся она на виду и сама себя хлещет. Вот гляди, как у меня порвалась нить истории, и я вдруг вплела в ткань текста эссе ненужные, как я стихами вся привычно укуталась, ах какая я бедовая девка, да разве же это все литература!.. Да, критика «Раны» начинается прямо внутри романа:

«На протяжении полугода я пишу свою историю. И все в ней мне кажется неважным, рваным, неполноценным. Нарратив растаял в разбегающихся ручейках памяти. Ритм сбился. В книгу пришли стихи и эссе. Книга рассыпается и кажется мне не такойстройной и понятной, она не похожа на те книги, которые принято читать и любить. В ней нет настоящих сконструированных персонажей и сложных сюжетных линий».

Это даже не слом четвертой стены во имя новой искренности, это — сорванная крыша в шаткой конструкции текста. И читать просят только так, глядя сверху вниз, на беспомощную, униженную авторку. Тоска по холодным материнским глазам, ах, без них и не пишется! Ах, вот она я, такая вся нелюбимая!

А вот не стала я сверху глядеть, я в домик без крыши пробралась через разбитое окошко.

А там пусто, в доме васякинском. Только язык ласточки-Филомены гниет на столе, и стены расписаны цитатами многомудрыми да вырезками из эротических журналов и плакатами оклеены, до того бумагу ветры степные поели, уж не разобрать, где сок, а где Земфира. И не спросишь ведь, зачем ты дом построила. И не спросишь, куда ушла. Стоит домишко маленький среди степи, сверчки прыгают, звезды светят — крыши-то нет, а смотреть на звезды те некому.

Приходи и живи, кто хочешь. Вот тебе наконец свой угол.

И ведь живут, но о многочисленных насельниках этого домика расскажем как-нибудь потом, когда они свои собственные домики выстроят.

О (не)романе «Комната» Виталия Михайлова

Виталий Михайлов — писатель, автор мистического романа «Комната» (2024, издательство «Городец»). Финалист премии «Лицей» имени Александра Пушкина в 2023 году.

Есть книги особого рода. Они ломают привычные представления о том, что такое книга вообще. Роман (а может, и не роман, может, нечто иное, как мы выясним дальше) Виталия Михайлова «Комната», недавно вышедший в издательстве «Городец», как раз из таких.

Я подошла к порогу «Комнаты» и замерла в нерешительности: уж больно неказистая дверца. Впору смеяться зло и тыкать пальцем:

— Глянь, у него там футболка в глаза бросается! Одичала футболка-то! В чьи глаза, в чьи глаза бросается футболка! Ну что за [|||||]!

Выдать бы Виталию Михайлову черную метку графомана в виде замочной скважины — и пойти читать славную Лужбину с ее мерцанием неброским. И пускай сверхчеловеки ломают голову, как написать о «Комнате», чтоб не снобило за версту.

Можно так было поступить, но мне беспокоило от запертых дверей. Нет мне житья, если комната есть, а не открывается, а вдруг там сокровище какое спрятали.

Ну, покрутилась я у порога, поплакалась — да и распахнула дверь, шагнула вперед, в беду, тьму сырую, и во тьме что-то плачет. Стены шупаю, а стены холодные, страшные, но должен ведь быть выключатель где-то. Нет, то не выключатель, то гвоздь очередной извращенной метафоры торчит. То таракан бежит щекотно. И зовут таракана [|||||], не путать он просит его с тараканом Живчиком, а также с [|||||]-Из-Под-Раковины.

И представьте себе, я вдруг не путаю их! Видимо, все, пометила меня «Комната», напоролась на гвоздь тот — и хана, вползла комнатная зараза в кровь. Вот уже

и свет не нужен: как-то вдруг настроились сами глазные светильники. Откуда они только взялись... Неважно!

Словом, «Комнате» надо кровь свою показать, иначе — не берет. А уж как возьмет, то и не отпустит до самого конца, до слез. А слезы — это оттого, что не моргал несколько часов. Вот такое злое чудо.

Разобрались вроде бы с методом взлома «Комнаты». Что же там внутри?

А там — сон. Долгий сон, размахом и силой похожий на дерево в Булонском лесу. Оттого и начала нет, ведь во сне оказываешься сразу в середине всего, и не нужно знать, как попал на крышу этого ангара-кита, а под крышей — дом, а в доме — дети, а у детей — книга снов, а в книгу снов смотреть нельзя — накажут. Оттого и скачет нарративная синичка по веткам, ведомая только Тенью-подсознанием. Оттого и конца нет, только переход в трезвую явь прямо из Вивария с ящекоголовыми людьми, у которых отняли роскошь имен.

Пересказывать сны — дело неблагодарное. То, что кажется важным и ярким, на поверку оказывается рассыпчатым бредом. Но здесь нам не пересказывают ничего, здесь нас втягивают внутрь и просто дают посмотреть самому. То есть это даже не текст, это нечто вроде... комнаты, черт возьми, где показывают всякое.

Да, хорошо бы, чтоб проектор не сбоил так, что приходится его лупить и отчитывать, чтобы по стенам ничего шестипалое на ползало беспокойно, а стулья не были украдены из детского садика им. Олега Рыбаченко. Однако в какой-то момент перестаешь замечать все эти стилистические преступления, и даже мелькает мысль об их преднамеренности. Я не уверена, что будь «Комната» чиста и прилична, вышло бы вот так вот вспороть мне кожу.

Как и положено сну, «Комната» наполнена отзвуками увиденного и прочитанного. Дом со странными, грустными детьми — это «Дом в котором» Мариам Петросян, таинственные двери и квантовые сдвиги реальности — это сериал «Потерянная комната», остров с культистами — конечно же, «Плетеный человек», приключения в доме опасной слепой старушки — триллер «Не дыши». Буквально каждому сюжетному повороту в «Комнате» можно при желании найти какой-нибудь аналог, какое-нибудь дежавю, тут все зависит только от степени пасхального психоза у сновидца. Хоть Мисиму выуживай, хоть Курвица. И «Комната» не пытается скрыть своей вороватости, наоборот, на стенах развешаны портреты потерпевших, и портреты эти хитро улыбаются, мол, ага, умный сновидец попался. К тому же все украденное до того ловко заплетено, что выходит свой узор, ни у кого такого нет.

О трактовках снов можно наговорить уйму всего, но это не дело простого сновидца, вроде меня. Наверняка кто-то решит войти в Эдипов штопор и разобраться с фиксацией автора на образе ключа, входящего в замочную скважину, и при чем тут отец, ящики и цифра девятнадцать. Более интересной мне кажется тема имен, точнее, то, как автор обращается с именами. Здесь есть что-то такое, из области писательства, мол, свои должны понять. Придумал персонажа — назови его, да так назови, чтоб смысл был. Желательно еще какой-нибудь хитрый, библейский. Имя-судьба. Дать имя — это дать ключ, а в романе «Комната» никаких ключей до срока давать нельзя. Позвенеть связкой «Анна, Кристина и Виолетта» можно разве что для пушей интриги. И потому решение исключить имена вовсе, да еще и выстроить на этом исключении главную сюжетную ниточку — это, как минимум, смело. И дает простор для разных умных замечаний, которые хоть и несколько нарочиты, но тем не менее звучат в сердце:

«Прозвище вытаскивает на поверхность то, что имя пытается скрыть. Наверное, ей скрывать было нечего».

Или упомянутое выше:

«Обитатели второго этажа могли позволить себе такую роскошь, как имя».

Вот так, имя — это роскошь, и сидишь ты, огорошенный эдаким трюизмом, как дурак. И шуршат в голове разные мысли, вроде: «А когда кошку зовут Кошка — это имя или кличка? А у кораблей имена или названия? А если имя сам себе дашь — это нарциссизм?»

Итак. В конце-то концов, хороший ли роман «Комната»? Нет, это плохой роман. Потому что не роман вовсе, а пространство. «Комната» — это комната, и оценивать ее стоит так, как мы оцениваем комнаты.

Ну что сказать. Бардак, конечно. Но жить можно, главное — не в одиночестве.

Лиминальная проза Анны Чухлебовой

Анна Чухлебова — литератор, автор сборника рассказов «Легкий способ завязать с сатанизмом» (2023, издательство «Городец»). Финалистка премии «Лицей» имени Александра Пушкина в 2021 году.

Есть такие пространства, в которых страшно быть, и непонятно, почему страшно, оттого и страшно, что непонятно почему. Например, гуляешь ты в межсезонье ночью по набережной, совершенно пустой, бесчеловечьей. Помнишь, как оно должно быть, шумно-курортно, лица-лица-лица, до ужаса живо все. А сейчас никого, и вдруг — шаг! Нет, тополь шуршит, листья роняет. Жутко.

Все для человека, а человека — нет, и эта неправильность, неестественность мучает, не должно быть так. И глупая голова от страха пытается выдумать нечто из этого ничто — такова лиминальная проза Анны Чухлебовой.

Начиная с самой ткани языка, которая выглядит как шелк — а на этикетке полиэстер, 99 % (о, это манящая неполнота!). Хочется красивой сложности, но выходит неудобоваримо, как ребро раскладного дивана. Кто-то бы сказал, что все это у Анны взялось из восхищенного чтения Прилепина, у которого несурзаицы — это такое колдовство¹, чтоб читателя огорошить, выбить читателю зубы, дабы не кусался. Дескать, почему ему можно — а Анне нельзя? Но дело в том, что никому нельзя, нет, никакое это не колдовство, если, знаете ли, нормальному, не искалеченному чтением прозы тридцатилетних читателю в челюсть кожаны́м ребром прописать (что-то не то вечно с этими ребрами) — то такой читатель книжку-то просто захлопнет, если не любит боль. К счастью для всех этих «колдунов», многие любят боль, даже я. Когда вижу подобную писательскую манеру, обращенную в обглоданную временем кость, то сразу мне хочется пристальнее вглядываться во мрак. Вдруг там все же есть что, ну не может же не быть, ну не бывает так, что совсем ничего, ни единого лучика. Я даже тут лучик нашла, вот, в рассказе «Коробка»:

«...липнут к жизни, как улитка к виноградной лозе».

Ну, с оговорками, конечно, касательно дурацких какулиток, но намек-то на жизнь есть!

Ведь почти по-человечьи! На 99 %! Только звук подвел! (Вообще, удивительно, насколько часто прозаиков подводит звук, ну читайте вы вслух, ну хоть робота читать заставьте, они нынче ученые). Впрочем, на эти замечания можно запросто ответить, мол, «у тебя просто уши другие». И что тут ответишь!

И вот в этом «почти» и заключена главная тайна притягательности Анны Чухлебовой как прозаика. Когда понимаешь, что перед тобой имитация, то это само по себе завораживает. Как разговаривать с нейросетью ночи напролет. Как в бездну глядеть, в черную дыру с непостижимой тайной сингулярности внутри.

¹ https://vk.com/wall37919763_4859.

Я бы сравнила успех Чухлебовой с успехом картины Климта «Поцелуй», где, как известно, никто не целуется. То есть ничего не происходит, но в этом-то небытии и заключено событие.

Сюжетно рассказы почти все до единого строятся согласно непобедимому девизу динамщины.

Иногда выходит даже почти хорошо, как в «Кровообращении», где героиня сама страдает от своей невозможности дать. Еще чуть-чуть — и даже трагедия.

В большинстве же случаев — как только прорезается какой-нибудь живой росток, рассказ стараются поскорее свернуть. Надо чтоб все немедленно развелись, надо всех самоубить, снегом закидать на пустыре, и пускай как-нибудь оно там, само по себе. Кто-нибудь скажет, что нечего рассусоливать, церемонии разводить, помер Никодим — и Господь с ним, здорово и вечно. Да, я понимаю, что такое короткое дыхание, и с этим действительно можно жить прозаику. Но тогда и выкладываться в каждом забеге следует до предела, авось и сдашь зачет на аффекте, а вот жалиться на выдуманное слабое сердечко, вот мама записку дала, освобождение у меня по здоровью, понять-простить — это нечестно. Лучше на финише кровью харкать, чем убить рассказ.

Но если бы Анна так делала — то вышла бы книжка в моднейшей серии «Городца»?.. И это я не к тому говорю, что публикуют только тех, кто почти, да не полностью, только тех, у кого справочка-золотой билет. Хотя и их тоже, чего уж там. Просто себя надо действительно любить и беречь и оставлять запас сил на жизнь, на то, чтоб к моменту славы у тебя оставалось тело, которое будет греться у врат вечности. Однако хотелось бы все-таки посмотреть хоть одним глазочком, как Анна прекратит кутаться в черные драпировки, перестанет играть и явит миру что-то настоящее, оно же есть в ней. Не может не быть.

В конце концов, если что-то может быть сказано, оно должно быть сказано ясно, черт возьми, Аня! Хорош сидеть в своей черной коробке, как тот черный квантовый кот! У тебя уже есть наблюдатель, ты точно жива, мы все подтвердим! Завязывай со своим декоративным сатанизмом, сама же говоришь, что это легко!

Кто-то скажет, что я просто пытаюсь оправдаться, накручиваю какую-то квантово-мета-пост-заумь вокруг того факта, что я месяц, в сущности, жевала лиминальный кактус, который вот-вот расцветет, да все никак. И даже будут правы, да, я действительно пытаюсь понять, что же заставило меня прочесть сборник и написать о нем.

Однако я хоть и странно провожу свое время, а все-таки дело не в этом. Я, понимаешь ли, верю в Чухлебову, напряженно ожидаю чуда.